

ГЛАВА 1

— Гуров! — Послышался звук отпираемой двери, и Мария влетела в комнату. — Гуров, привет! Это я!

Лев сонно повел бровями, пытаясь определить, снится ему это или нет. Когда он ложился, Марии дома не было, да и быть не могло...

Шел первый день его августовского отпуска, и он собирался честно и заслуженно отоспаться хотя бы первые три. К тому же Мария уехала на гастроли, и закончиться они должны были только через три недели. Увы, их отпуск редко приходился на одно и то же время: Мария служила в театре, и лето всегда было у нее гастрольным сезоном. А он, будучи опером по особо важным делам в Главном управлении внутренних дел, и вовсе уходил в отпуск не тогда, когда пожелает, а когда для этого появится возможность. И то никогда ■

нельзя было быть уверенным, что ему дадут отгулять законные четыре недели.

В любой момент могли позвонить и потребовать срочно выйти на работу, если вдруг происходило какое-то особо тяжкое или громкое преступление. Формально, конечно, Лев мог отказаться, однако практически никогда этого не делал. Во-первых, требование явиться в главк всегда исходило от его непосредственного начальника генерал-лейтенанта Петра Николаевича Орлова, который был для Льва не только начальством, но и давним другом. И вызывал он Гурова, своего лучшего опера, не из вредности старческого характера, как порой язвительно заявлял второй лучший сыщик отдела и друг Гурова Станислав Крячко. Орлов делал это в случае крайней необходимости, и сам, даром что дослужился до генерала, был лицом подчиненным.

А во-вторых, Лев Гуров свою работу любил и относился к ней ответственно. Будучи прирожденным сыщиком, который пошел работать в тогда еще МУР по призванию, а не ради сомнительных привилегий, он знал, что все равно не сможет спокойно отдыхать, если в ставшем за несколько десятков лет родным ему ведомстве произошло нечто важное и все другие сотрудники сейчас не

имеют и минуты отдыха. Знал, что не сможет спать, пока не будет пойман преступник или преступники. Поэтому он всегда, лишь услышав голос Орлова в телефонной трубке, звучавший казенно и в то же время виновато, кратко отвечал: «Выезжаю!»

Словом, Марии и Льву, мужу с женой, редко удавалось полноценно отдохнуть вместе. Не получалось это и в нынешнем году: Лев неожиданно получил отпуск в августе — прекрасное время, он уж и забыл, когда в последний раз уходил в него летом. Он и сам не ожидал ничего подобного; ближайшей датой, которая ему светила, был ноябрь. Но генерал-лейтенант Орлов лично вызвал его и сказал, что приказ готов, так что пусть Лев ставит свою подпись и бегом бежит в бухгалтерию за деньгами. Внезапно выдавшееся затишье в делах, отсутствие громких преступлений, укатившее на отдых в дальние страны министерство — все это сыграло свою роль, которой поспешил воспользоваться Орлов.

Казалось бы, радуйся, бери в охапку жену и мчись куда угодно — хоть на гламурные Мальдивы, хоть в «народную» Турцию, хоть вообще прокатись по России; загляни на Дальний Восток, если утомила жара. А она не просто утомила, она откровенно допекла

уже и москвичей, и всех жителей средней полосы.

Но жены-то как раз и не было... Она отправилась с труппой на гастроли в Голландию, и нечего было даже и мечтать о том, чтобы отправиться куда-нибудь вместе. Вечером Лев все же сообщил ей по телефону, что отныне занимается заслуженным бездельем, хотя знал, что она будет расстроена. Не тем, конечно, что муж получил наконец долгожданный отпуск, а тем, что снова не получается провести его так, как давно мечталось. И вот Мария неожиданно появляется дома на три недели раньше. Голос ее зазвучал над самым его ухом:

— Гуров! Слышишь меня? Просыпайся, мы едем в Крым!

— В какой Крым, ты что? — Лев оторвал голову от подушки.

Все еще надеясь, что это продолжение сна, он хотел уже перевернуться на другой бок, но прикосновение к его плечу было более чем явственным и реальным. Причем Мария особо не церемонилась: обхватив Гурова за плечи, она довольно сильно затормошила его, приговаривая:

— Ну просыпайся же ты наконец! Понимаю, что ты решил, пользуясь счастьем оди-

ночества, проспять весь отпуск, но поверь, есть куда более интересное ему применение!

— Да уж конечно... — пробормотал Гуров, протирая глаза.

Мария сидела рядом на диване — живая, настоящая, с растрепанными волосами и возбужденно блестящими глазами — и водила по его плечам холодными пальцами. Они у нее всегда, даже в жару, почему-то были прохладными, и летом это было особенно приятно.

— Ты мне лучше скажи, откуда ты взялась? — садясь на постели, спросил Лев. — У тебя же гастроли!

— С самолета! — сообщила Мария, весело улыбаясь. — А гастроли мои закончились!

— Это еще почему? Ты наконец высказала главрежу все, что о нем думаешь, и грохнула на стол заявление об увольнении по собственному?

— Увы, я слишком малодушна для этого, — притворно вздохнула Мария.

— Да ладно, рассказывай! — Гуров, смеясь, обнял жену. — Что случилось?

— Да! — Мария махнула рукой. — Ничего особенного, не бери в голову. Просто этот новый продюсер, который повез нас в Голландию, оказался обыкновенным дерьмом!

— Это стандартная твоя характеристика продюсеров, — продолжая посмеиваться, сказал Лев.

— Ну я же не виновата, что они все на одно лицо! — пожала плечами Мария. — Из всех, что попадались мне, только Войниченко был нормальным!

— Помнится, он тогда попался на мошенничестве с билетами, и его с треском уволили, — заметил Гуров. — И ему еще крупно повезло.

— Зато он к артистам относился по-человечески! — возразила Мария. — Мошенничал там себе, не впуская нас, и не наживался на наших талантах!

— А этот что? — полюбопытствовал Гуров, которому, в сущности, была не очень интересна личность нового продюсера театральной труппы; главное, что Мария была дома, живая и здоровая и даже, кажется, ничуть не расстроенная преждевременным окончанием гастролей. Любопытство его к кандидатуре нового продюсера было связано в первую очередь с тем, что было подогрето предшествующими событиями.

Нужно признаться, с продюсерами театру в последнее время действительно не везло. Предыдущий отличался тем, что брал за свою работу слишком большие гонорары,

которые в конце концов выросли до неприемлемых для театра возможностей, и худрук вынужден был отказаться от его услуг. Тот, что был еще раньше, вел себя поскромнее, но и работал, увы, еще более скромно. В итоге весь прошедший летний сезон труппа просто проскучала в Москве, толком ничего не заработав. Предшествующий ему Войниченко, которому вскользь симпатизировала Мария, в глазах Гурова был обыкновенным пройдохой.

Вот почему он даже обрадовался, когда узнал, что в театр пришел новый человек, изъявивший желание продюсировать труппу в летний период. Назвался он Заруцким Ильей Витальевичем. Гуров сам не имел чести его лицезреть, но по словам Марии, тот держался очень уверенно и даже вальяжно. Сразу заявил, что работал в Европе несколько лет, знаком с ведущими театрами и их руководителями и способен организовать такие гастроли, что довольными останутся все.

Худрук растаял от таких перспектив, тем более что сам он улетал в Штаты по приглашению и должен был отсутствовать в Москве до начала осени. Поэтому он был рад, что театральная труппа мало того что не остается бесхозной, так она еще отправится в тур по

Европе со спектаклями нового сезона. Ну и дополнительный заработок, который новый продюсер охарактеризовал многозначительным подъемом бровей, его очень прельщало. Словом, худрук с чистой совестью улетел в Штаты, а вверенная ему труппа засобира-лась в гастрольный вояж, первым пунктом которого должна была стать Голландия. По словам нового продюсера, в этой стране его особенно почитали. И вот теперь Гурову было интересно, что же такого непредвиденного могло случиться в Голландии, что его жена, будучи не только ведущей актрисой, но и очень дисциплинированной, прервала гастроль в самом начале.

— Этот! — презрительно фыркнула Мария и разгладила юбку на коленях. — Этот отнесся к нам как к каким-то гастарбайтерам! Использовал нас как рабов!

— Вы работали за еду? — участливо спросил Гуров.

— Не иронизируй, пожалуйста, практически да! — поморщилась Мария. — Началось с того, что повезли нас на каком-то допотопном автобусе. Я уж молчу о самолете, ладно, доехали бы автобусом — не далека дорога! — но должен же это быть хотя бы комфортабельный транспорт! А это просто какая-то жуть! Мотор ревет, в салоне вонища, окна не

открываются, кондиционера нет... Да что там кондиционера — туалета нет! Артистам приходилось бегать в кустики на редких остановках, потому что этот гад экономил на всем и запретил останавливаться часто.

— Так он тоже ехал с вами? Как его там, Заруцкий, кажется?

— Как бы не так! — ехидно сказала Мария. — Да, Заруцкий. Не знаю, на чем добирался он, но приехал в Голландию раньше нас. Еще недоволен был, что мы задержались! А как на такой развалюхе раньше получится? Три раза этот драндулет ломался по дороге, по полчаса завести не могли! Водитель даже просил, чтобы мы подтолкнули, представляешь? Если бы мне рассказали, что такое возможно, я бы не поверила!

— А ты не преувеличиваешь? — с сомнением посмотрел на жену Лев.

— Я? — Мария аж задохнулась от возмущения. — Ты же знаешь, Гуров, один из моих главных недостатков — это патологическая честность!

— Да-да, именно поэтому ты оправдываешь вашего прежнего проворовавшегося продюсера, — улыбнулся Лев.

— Ну это совсем другое! Войниченко никогда бы не позволил себе такого хамского отношения к артистам! Мы ехали восемнад-

цать часов! Пошел дождь, в итоге добрались до места измотанные, голодные, грязные, мокрые, и единственным нашим желанием было вымыться в горячей воде и завалиться в постель! Но даже такой малости мы оказались лишены, потому что этот прохвост поселил нас в какой-то гадюшник на окраине, где не было даже горячей воды! Представляешь себе такое? В цивилизованной Европе найти место без горячей воды — это же еще постараться надо!

— Да уж, действительно! — с удивлением заметил Гуров. — Что же это за отель такой?

— Отель! Как выяснилось, это какая-то частная гостиница, которой владеет добропорядочная гей-пара. Так вот, горячая вода у них, разумеется, есть, вот только пользоваться они ею не разрешают и просто перекрывают кран, потому что это слишком дорого! Как тебе такое?

— М-да... — Гуров почесал голову. — Я бы тоже не поверил... А как же ваш продюсер на это реагировал?

— Да его-то как раз все устраивало! Ты что, еще не понял? Он намеренно сэкономил на нас, находил все что подешевле! Ей-богу, я себя чувствовала какой-то крепостной актрисой! — Мария передернула плечами.

— Но вы подняли вопрос об этом безобразии?

— Еще бы! Высказали ему все, правда, только на следующий день, потому что он сам поехал ночевать куда-то еще, даже не предупредив нас! Мы пытались уехать и поселиться в каком-нибудь приличном месте, за собственные деньги, но нас просто тупо не отпустили! Сказали, что все оформлено документально, и помахали перед носом какой-то бумажкой. Когда мы попросили об ужине, предложили кофе с какими-то дерьмовыми бутербродами с селедкой. Ты представляешь себе такое сочетание — кофе с селедкой? Я, знаешь ли, не привередлива, к тому же за годы работы в театре привыкла совершенно спокойно питаться бутербродами, да и вообще я не сноб, но это уж слишком!

— А альтернатива была какая-нибудь? — поинтересовался Гуров.

— А как же! Просто селедка, без хлеба! А из напитков — молоко. Кушать селедку с молоком я сочла еще большим безумием, чем с кофе, поэтому просто выпила чашку молока и пошла спать. Дождь не прекращался, в комнате было сыро и холодно, так называемые «номера» находились в самом низу, в подвальном помещении, теплых одеял не